

Семья.

Для двадцатипятилетнего Гун Чэня это слово давно утратило ясные очертания.

Слишком много неприкрытой злобы исходило от окружающих, и он привык к ней. Поел, выпил, поспал — и любая обида улетучивалась, словно её и не бывало. Он умел терпеть.

Но теперь рядом появился этот человек.

Тот, кто оберегал его.

Тот, кто всегда принимал его сторону.

Кто, казалось, при любых обстоятельствах готов был заслонить его собой.

Гун Чэнь уткнулся лицом в изгиб шеи Сюй Цыаня, глубоко вдыхая его запах, а затем бережно обхватил ладонями его лицо и прижался лбом к его лбу.

— Прости меня, прости, — прошептал он, ласково поглаживая большим пальцем покрасневший уголок глаза Сюй Цыаня. — Со мной всё в порядке. Извини, я напугал тебя.

Сюй Цыань молча вглядывался в его лицо. Убедившись, что тот действительно цел и невредим, он глухо произнёс:

— Не нужно извиняться.

Гун Чэнь почувствовал, как по сердцу разливается мягкое тепло.

— Шисюн, ты такой хороший.

— От твоих извинений мало толку, ты ведь всё равно никогда не учишься на своих ошибках.

Сюй Цыань опустил ресницы, не поддаваясь на уговоры:

— Вот поправлюсь — и наказание тебя найдёт.

— Хорошо, — покладисто согласился Гун Чэнь. На душе у него было легко и спокойно. Он снова обнял Сюй Цыаня, уткнувшись подбородком в его плечо, и вдруг встретился взглядом с Ли Наньюань, стоявшей неподалёку.

Ли Наньюань:

—.....

Гун Чэнь:

—.....

Совсем забыл про наставницу.

Смущённо улыбнувшись, Гун Чэнь поспешно отстранился от Сюй Цыаня и выпрямился, стараясь выглядеть как можно благонравнее.

— Разве я хоть слово сказала? — поинтересовался голос Ли Наньюань.

Оказывается, она уже сидела в юго-западном углу комнаты на резном деревянном стуле и, подперев подбородок ладонью, с улыбкой наблюдала за ними.

— Можете обниматься дальше. Сюй Цыань силой прорвал заблокированные акупунктурные точки, так что на ногах он сейчас вряд ли удержится. Тебе бы...

Договорить она не успела: Гун Чэнь тут же собственническим жестом прижал Сюй Цыаня к себе.

— Да и ты сам выглядишь не лучше, — хмыкнула Ли Наньюань.

Она взмахнула рукавом, и перед юношами зависли в воздухе две сияющие духовные пилюли:

— Хватит бахвалиться силой. Хотите — садитесь, хотите — ложитесь, воля ваша. Наказание вы получили, проверку прошли. Больше я вас мучить не стану, не бойтесь.

Сюй Цыань слегка склонил голову:

— Благодарю, наставница.

С этими словами он с совершенно невозмутимым видом поменял пилюли местами и забрал ту, что предназначалась Гун Чэню.

У Гун Чэня дрогнула бровь. Он перехватил его запястье, пытаясь остановить.

— Всё в порядке, — покачал головой Сюй Цыань.

Они одновременно проглотили лекарство. Спустя пару мгновений оба почувствовали облегчение. К бледным щекам Сюй Цыаня прилил здоровый румянец, а порезы и ссадины на теле Гун Чэня начали затягиваться прямо на глазах.

Ли Наньюань небрежно облокотилась на спинку стула, усмехнулась и щёлкнула пальцами. В ту же секунду оба её ученика дружно повалились без чувств.

— Глупые дети, — негромко пробормотала она. — Слишком доверчивые.

Гун Чэнь проснулся от непрекращающегося писка над ухом. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит на мягкой постели.

— Проснись, проснись, проснись!

— Где сестра? Где сестра? Где сестра?!

Это был голосок Ин Чуньлай.

После того как они попали в Царство призраков, девочка впала в глубокий сон. Повлияли и тяжёлые воспоминания из круга перерождений, и то, что в теле Гун Чэня ей не хватало чистой человеческой крови для подпитки. Очевидно, часть целебной силы наставнической пилюли перепала и ей, и теперь она, полная энергии, настырно требовала показать ей старшую сестру Ин Вань.

— Проснулся! Проснулся! Проснулся!

— Хочу к сестре! Хочу к сестре! Хочу к сестре!

Она вела себя точь-в-точь как капризный ребёнок, который только что открыл глаза после дневного сна.

Ужасный шум.

Гун Чэнь повернул голову и увидел спящего рядом Сюй Цыаня. Испугавшись, что этот писк разбудит его, Гун Чэнь резко прихлопнул ладонью призрачное око, ползающее по его шее, и сердито зашептал:

— Да замолчи ты уже...

Он осёкся и удивлённо коснулся пальцами горла.

— О, надо же, — пробормотал он. — Голос вернулся.

Похоже, пилюли Ли Наньюань действительно были редчайшим сокровищем. Судя по тому, какими свежими они себя чувствовали, в состав снадобья входил какой-то успокоительный корень, из-за которого они так крепко заснули.

Ин Чуньлай, даже зажатая его ладонью, упрямо продолжала скулить, без конца зовя сестру.

— Чего раскричалась? — вдруг тускло блеснула нефритовая подвеска на поясе Гун Чэня, и оттуда раздался ледяной голос: — Ещё один звук, и я убью твою сестру.

Услышав эту угрозу, Ин Чуньлай испуганно пискнула и мгновенно притихла, боясь даже вздохнуть.

Гун Чэнь опешил.

Это... Цин Ся?

Что это с ним?

Он вытащил подвеску и так и замер от удивления. Прежде чистый, зеленовато-белый нефрит теперь отливал зловещим багровым цветом, словно налился кровью.

Такое явление могло означать лишь одно: маленькое существо внутри было в ярости.

— Цин Ся, что с тобой...

— Господин Гун, не трогайте меня, пожалуйста.

— Полно тебе, у меня чистые руки, — попытался оправдаться Гун Чэнь.

Цин Ся промолчал. Гун Чэнь вздохнул, поспешно отпустил подвеску, усердно вытер ладони о полы своей одежды и снова бережно взял её.

— Ну вот, видишь? Чище некуда, — улыбнулся он.

— Зачем вы притворяетесь дураком? — холодно отозвался Цин Ся. — Именно этой рукой вы наложили на меня печать. Думаете, от этого можно так просто отмыться?

Гун Чэнь лишился дара речи.

Ладно, притворяться действительно глупо.

Он неловко кашлянул и принялся ворковать над обиженным духом, точно заботливый отец над капризным чадом:

— Ну же, Цин Ся, послушай меня. Ситуация была из рук вон плохая, вокруг летали сотни мечей. Представляешь, как некрасиво я бы выглядел, если бы меня ими истыкали? К тому же... я просто не хотел, чтобы ты пострадал из-за меня.

— Не хотели, чтобы я пострадал?

Цин Ся чеканил каждое слово:

— Господин Гун, когда вы бросили меня давным-давно, вы ведь оправдывались точно так же, не правда ли?

— Но, Цин Ся...

— Я не желаю больше разговаривать с вами.

В комнате повисла тяжёлая тишина.

Гун Чэнь беспомощно наблюдал, как алый блеск нефрита медленно сгущается, превращаясь в густой, тёмно-бордовый цвет запекшейся крови.

И что это должно значить?

И что ему теперь делать?

Неужели дети, взрослея, всегда становятся такими неуправляемыми?

Гун Чэнь сидел с таким видом, точно его только что поразила молния. Он осторожно опустил подвеску обратно на пояс и замер, не зная, как загладить вину. Лишь спустя пару минут он взял себя в руки и перевёл взгляд на Сюй Цыня.

Надо же, этот маленький дух прожил рядом с шисюном несколько лет и успел перенять часть его непростого характера.

Ладно. Потом он попросит Сюй Цыаня помочь помириться с малюткой.

Гун Чэнь залюбовался лицом спящего.

Почему этот человек хмурится даже во сне? Ин Чуньлай устроила такой переполох, а он даже не пошевелился. Должно быть, последние дни вконец измотали его.

Полюбовавшись им ещё немного, Гун Чэнь мягким движением убрал с его лба растрепавшуюся прядь волос и уже собирался тихонько подняться с кровати, как вдруг...

В следующее мгновение Сюй Цыань распахнул глаза и крепко перехватил его запястье.

Гун Чэнь обомлел.

Какая несправедливость!

Когда здесь стоял невообразимый ор, этот человек спал без задних ног, а стоило лишь коснуться его — и он тут же проснулся? Как это понимать?

— Ши... шисюн.

— Помоги мне, — негромко попросил Сюй Цыань.

— Конечно. Но что я могу сделать, пока мы в постели...

Гун Чэнь внезапно замолк на полуслове. Ладонь Сюй Цыаня, всё ещё сжимавшая его руку, потянула его ладонь вниз, увлекая за собой.

Гун Чэнь затаил дыхание. Его кадык судорожно дернулся. Пытаясь сохранить хотя бы остатки самообладания, он хрипло выдавил:

— Постой... Может, мне сперва помыть руки?

— Нет необходимости, — прошептал Сюй Цыань, укладывая его ладонь себе на верхнюю часть живота. — Мне очень не по себе.

— Не по себе?

Гун Чэнь понял, что рука не опустится ниже, и мысленно обругал себя за пошлые мысли. Разум тут же прояснился.

Под своей ладонью он почувствовал холодные потоки иньской энергии, которую сам же влил в тело Сюй Цыаня перед тем, как спуститься в Царство призраков. Тогда это было необходимо, чтобы скрыть присутствие живого человека, но Гун Чэнь и подумать не мог, что это причинит шисюну столько страданий.

— Хочешь, я заберу её обратно? — с состраданием спросил он.

Сюй Цыань посмотрел на него и едва заметно кивнул.

Не теряя времени, Гун Чэнь сосредоточился. Вскоре тонкие, ледяные струйки иньской миазмы начали перетекать сквозь его ладонь обратно в его собственное тело.

Несколько особо упрямых завитков никак не хотели покидать тепло человеческой кожи и обвилились вокруг тонких пальцев Сюй Цыаня. Гун Чэнь с недовольной миной насильно оторвал их от чужого тела.

«Бесстыжая дрянь, — мысленно обругал он непослушную энергию. — Ещё и прощаться не желает»

Усмирив непокорную силу, он тихо спросил:

— Шисюн, теперь лучше?

Сюй Цыань ничего не ответил. Его дыхание выровнялось, и он снова погрузился в глубокий сон. На этот раз его лоб оставался гладким, без единой морщинки.

Гун Чэнь облегчённо вздохнул. Он бесшумно выбрался из-под одеяла, обулся и выскользнул за дверь. Они находились на втором этаже изящного терема, убранство которого отличалось строгой роскошью. Спустившись по лестнице и пройдя несколько десятков шагов по двору, Гун Чэнь наткнулся на огромное древнее дерево, раскинувшее широкую крону.

В тени этой вековой кроны, устроившись за каменным столиком, сидели мужчина и женщина. Они всю распивали вино и увлечённо болтали. Это были Князь Яоцзэ и Ли Наньюань.

— Представь себе: мы просто пересеклись взглядами в толпе, и всё, пиши пропало — глаз друг от друга оторвать не могли, — хвастался Князь Яоцзэ. — Она оказалась девицей бойкой. Сразу спросила, гожусь ли я на что-то в постели. Ну а я что? Сказал, что ещё как гожусь. Она тут же утащила меня на ложе.

— Ещё хоть слово соврѣшь — и я тебе язык вырву, — лениво отозвалась Ли Наньюань. — Твоя первая благоверная влюбилась в тебя с первого взгляда, и вторая туда же? Сказки мне тут рассказываешь.

Князь Яоцзэ разухабисто ухмыльнулся и, несмотря на украшавшие его лицо свежие синяки, попытался щегольским жестом поправить растрепавшиеся волосы:

— Ну, не совсем так. Когда всё закончилось, она намекнула, что не отказалась бы от вознаграждения. Я не поскупился и притащил ей целый сундук золота и камней. Она так и обомлела. Спросила, за что ей такое щедрое подношение, а я ответил, что для неё мне ничего не жалко. Она разрыдалась от избытка чувств и поклялась, что пойдёт только за меня. Кстати, её подбородок точь-в-точь как у тебя, разве я мог устоять перед такой красотой... Ай! — взвыл он.

Ли Наньюань залепила ему увесистый подзатыльник.

— Тьфу, мерзость какая, — фыркнула она.

Князь Яоцзэ обиженно замолк и принялся угрюмо глушить вино чарка за чаркой.

Гун Чэнь, укрывшись в отдалении, безуспешно пытался разгадать природу их странных взаимоотношений. Спустя какое-то время Князь Яоцзэ окончательно захмелел и со стуком повалился лицом прямо на землю.

Ли Наньюань со смехом обозвала его никчёмным пьяницей и, повернувшись к застывшему неподалёку Гун Чэню, коротко бросила:

— Иди за мной.

Они перешли в уединённую, скрытую от посторонних глаз беседку. Как только Ли Наньюань опустилась на каменную скамью, Гун Чэнь без лишних слов опустился перед ней на колени.

— Ваш неразумный ученик лишь теперь осознал, кому обязан своей жизнью, — почтительно произнёс он. — В двести шестнадцатом году эры Шэннин вы запечатали защитный меч в амулет мира и покоя и отдали его моей матушке. А в двести двадцатом этот амулет уберёт меня от неминуемой гибели.

— Тебе тогда было года четыре? — тихо спросила Ли Наньюань.

— Да.

Она на какое-то время умолкла, глядя на него сверху вниз, а затем со вздохом произнесла:

— Твоя мать была мне названной сестрой. Когда её не стало, я обыскала всё Царство людей, пытаюсь найти тебя. Но мне сказали, что ты погиб, а от тела не осталось и следа... Каково же было моё удивление, когда спустя годы я случайно увидела тебя на торжественном приёме у клана Сюй. К тому времени Дуань Тяньлань опекал тебя уже два года.

— На приёме у семьи Сюй? — Гун Чэнь нахмурился, силясь вспомнить. Ему тогда было около двенадцати. — Вы видели меня там?

— Да, — подтвердила Ли Наньюань. — Лицом ты уродился в матушку, а вот разрез глаз достался от отца. Я сразу же велела разузнать твоё имя, и догадки подтвердились. Обрадовавшись, я спросила у своих людей, каково тебе живётся в поместье Дуань. Но услышав ответ, я мгновенно остыла. Хотя, если подумать, в этом вопросе даже не было нужды. Дуань — высокомерный клан, где превыше всего ценят чистоту крови. Твоя мать была рождена от наложницы и никогда не знала там уважения. Ей не дали прожить в покое ни единого дня. Так с чего бы им было баловать тебя?

Гун Чэнь невольно опустил голову.

Рассказы о собственных невзгодах оставляли его равнодушным, но стоило Ли Наньюань упомянуть о том, как пренебрегали его покойной матушкой, как к горлу подкатил горький ком.

«Будь я тогда взрослее и смысленнее... научись я раньше помогать ей по дому, матушке жилось бы куда легче после того, как мы покинули это проклятое поместье Дуань»

— В конце концов я решила просто забрать тебя у Дуань Тяньланя, — обыденным тоном обронила Ли Наньюань.

Забрать? В семью Сюй?

Тогда это значит...

В глубине памяти Гун Чэня шевельнулось смутное воспоминание. Оно поманило его, точно зыбкое отражение луны в ночной воде, но стоило потянуться к нему мыслями, как вода подёрнулась рябью, и образ растаял.

— Что? Так удивлён? — усмехнулась Ли Наньюань. — Клан Сюй не обеднел бы, приняв ещё одного воспитанника.

— Нет, я о другом, — Гун Чэнь неловко потёр кончик носа. — Я просто подумал... если бы меня тогда забрали в семью Сюй, мы бы с шисюном выросли под одной крышей...

Он не успел договорить и толком обдумать эту мысль, как Ли Наньюань, лукаво выгнув бровь, бесцеремонно перебила его:

— Стало быть, тебе хотелось стать названным братом Сюй Цыаня?

Гун Чэнь поперхнулся воздухом и зашёлся кашлем:

— Вовсе нет! И в мыслях не было, уверяю вас!

Ли Наньюань не сдержала смешка.

— И чего ты так всполошился? — весело спросила она. — Пусть старейшины нашего клана упрямы и старомодны, в некоторых вопросах они на удивление покладисты. Даже если бы вы считались братьями, кровного родства между вами нет, а значит... преград для любых утех тоже бы не нашлось.

Гун Чэнь лишь вымученно улыбнулся.

«Будь вы и впрямь такими покладистыми, разве ты огрела бы меня так безжалостно при первой же возможности?»

— Пожалуй, лучше обойтись без этого, — ответил он вслух.

— Отказываешься точь-в-точь так же поспешно, как и в детстве, — фыркнула наставница. — Видать, твоя привязанность к младшему сыну семьи Дуань действительно крепка.

При чём тут вообще Дуань Цинь?

И когда это он успел отказать самой Ли Наньюань? Да у него в жизни не хватило бы духу пойти против её воли!

— Погодите, — Гун Чэнь наморщил лоб, чувствуя, как ускользающие обрывки воспоминаний наконец начинают складываться в единую картину. — Наставница... Разве тогда вы лично приходили ко мне с этим предложением?

— Конечно нет.

Ли Наньюань задумчиво постучала пальцами по поверхности каменного стола:

— Когда я переговорила с Дуань Тяньланем, тот ответил, что примет любое твоё решение. Я побоялась, что взрослая заклинательница испугает маленького ребёнка, и подумала: если отправить к тебе твоего ровесника, тебе будет проще согласиться. Вот я и послала...

В голове Гун Чэня точно разорвался невидимый снаряд. У него зазвенело в ушах.

— Это был шисюн? — выпалил он, не помня себя.

— Ну да, он, — теперь настала очередь Ли Наньюань удивлённо приподнять брови. — Но почему ты спрашиваешь об этом с таким видом, словно впервые слышишь? Я была уверена, что вы ещё с тех пор помните друг друга.

<http://bllate.org/book/20729/2132494>